

Россия между думами. Стрим. Уралов, Чадаев

Подкаст [Алексея Чадаева](#), [Семёна Уралова](#)

[Youtube](#)

[ВК](#)

[Аудиозапись в Telegram-канале Семёна Уралова](#)

[Аудио ЧП Live 68 на podster.fm](#)

Иван Князев. Дорогие друзья, рад всех видеть, рад всех приветствовать. В эфире стрим подкаста «Чистота понимания». Напомню, что это площадка, где мы глубоко и подробно разбираем самые актуальные темы. Это площадка для умных и образованных людей, то есть для всех вас. Хотя мы тоже сами иногда определяемся, кто из нас умный, кто образованный. Но тем не менее, кто ещё не смотрел, посмотрите наши предыдущие [выпуски](#) и [стримы](#). Спасибо всем, кто пишет комментарии, лайк ждём от вас, конечно же, этому выпуску.

Найти нас несложно: в [VK](#), в [YouTube](#), в [RuTube](#) мы есть. Конечно же, ждём ваши вопросы, дорогие наши зрители, дорогие друзья. Просим обязательно их присылать в чаты, начиная сообщение со слова «вопрос». Так нам легче их будет искать в потоке ваших комментариев.

Меня зовут Иван Князев. Позвольте представить наших постоянных ведущих. Это Алексей Чадаев, политолог и журналист. Алексей, приветствую.

Алексей Чадаев. Всем добра.

ИК. И Семён Уралов, политолог, журналист, писатель. Семён, здравствуй.

Семён Уралов. На посту.

ИК. А тема у нас сегодня звучит так: «Россия между думами». Очень хорошее название, мне оно очень понравилось сегодня. В чём дело-то? Госдума в понедельник провела [заключительное пленарное заседание](#) весенней сессии и VIII созыва в целом. Итоги работы подвели председатель, [Вячеслав Володин](#), и руководители пяти парламентских фракций, после чего Володин объявил о закрытии VIII созыва Палаты. Как отметил председатель Госдумы, нижняя палата парламента за пять лет приняла [2980 федеральных законов](#). По словам Володина, полностью выполнены послания президента Федеральному собранию предыдущих лет. Также он подчеркнул, что завершена [работа по интеграции исторических регионов](#). Принято более 70 [базовых законов](#), 183 закона в целях обеспечения специальной военной операции.

Тут большой список, не знаю, братцы, нужно ли его сейчас приводить, основные законы восьмой сессии VIII созыва. Здесь и социальная поддержка, и миграционная политика, борьба с кибермошенничеством, потому что целый пакет законов был принят, направленный на защиту граждан от телефонного, интернет-мошенничества, в защиту традиционных ценностей, в защиту прав потребителей. Запрещено, в частности, навязывать дополнительные платные

товары и услуги. Безопасность государства, в этой сфере были расширены основания для признания лиц иностранными агентами, усилена ответственность за нарушение законодательства об иноагентах и т. д. В образовании были тоже нововведения. С некоторыми я, кстати, не согласен в плане того, что количество, например, коммерческих мест в вузах по отдельным специальностям теперь будет регулировать правительство. Конечно, для меня как представителя сферы образования некоторые сложности в этом плане появились, потому что не все направления, не все специальности попали в этот список.

На заключительном заседании Владимир Путин [наградил](#) председателя Госдумы Вячеслава Володина орденом за доблестный труд, за вклад в развитие парламентаризма, укрепление российской государственности и законотворческую деятельность.

Примерно такая картина у нас получается. Братцы, что вы скажете? Как оцениваете VIII созыв Госдумы? Что нас ждёт уже после выборов? Да, самое главное мы не сказали, в сентябре у нас [выборы в Государственную Думу](#), и результаты, кстати, тоже нужно и можно обсудить.

АЧ. Давайте я положу чуть другую рамку обсуждения. Я предвижу, что на этом стриме у нас будет меньше аудитории, чем обычно, потому что тема не острая, и это как раз отдельный предмет для обсуждения. Дума в значительной степени оказалась на периферии общественного внимания. Конечно, депутаты периодически развлекают нас идеями что-нибудь запретить, и в этот момент о её существовании вспоминают, но в общем и в целом нерв общественной жизни ушёл куда-то в другое место.

У нас же есть наша фирменная футболка «Чистоты понимания» «Соцсеть не место для дискуссий», она же отсылает к известному высказыванию одного из спикеров Государственной Думы предыдущих созывов [«Парламент не место для дискуссий»](#). Типовая претензия к Госдуме — что это какое-то довольно вялое место, откуда убрали всех ярких крикунов. [Жирик](#) сам помер. Другие тоже куда-то делись. Там остались только какие-то заслуженные космонавты, фигуристы, хоккеисты, шахматисты, ещё какие-то не очень интересные персонажи, конечно,

очень уважаемые, очень заслуженные, но в целом, если что-то и обсуждается, то действительно, Дума вернула себя в центр повестки, когда возникли все эти законы по борьбе с «Телеграмом», по разным блокировкам чего-нибудь, в общем, пожалуй, что и только. При этом, заметьте, этот созыв Госдумы собрался когда? В ноябре 2021 г, а в феврале 2022 г. началась СВО. И большую часть своего существования Госдума этот созыв проработала в режиме СВО. Конечно, поначалу депутаты много ездили на фронт, потом им запретили это делать из соображения безопасности, причём вообще всем. Какое-то количество депутатов ушло добровольцами воевать, сдав мандаты. То есть нельзя сказать, чтобы Дума была совсем вне, но при этом всё равно ощущение, что Дума — это не место для дискуссий.

Знаете, я-то всегда фразу, что парламент — не место для дискуссий, комментировал так: это не так, это неправда.

Дума всегда была местом для дискуссий, даже в те годы, когда там уже прочно сидело пропрезидентское большинство,

тем не менее там оставались оппозиционеры, способные остро поставить вопросы, зажечь и т. д. Дума давно перестала быть местом для решений, именно потому, что пропрезидентское большинство всегда решало то, что им сказали решать. И поэтому я ещё в бытность свою советником председателя Госдумы предыдущего VII созыва (это был тот же самый Володин, что и сейчас) как раз делал такую аналитику, такую статистику. И тогда было так, и сейчас мало что изменилось:

больше 60% всех законопроектов, из которых получались в итоге принятые законы, просто вносило правительство Российской Федерации. То есть у нас исполнительная власть была сама себе и законодательная всегда.

Если добавить к этому законы, которые вносятся администрацией президента, то получится больше 70%. На законы, вносимые самими депутатами, приходится порядка 25%. Но на самом деле значимая часть этих законопроектов — это тоже какие-нибудь пришедшие из министерств, просто поданные не через правительство, не через правительственную комиссию, а через знакомых дружественных депутатов. И совсем мало, меньше 5%, — это законы, инициаторами которых были субъекты Российской Федерации (региональные парламенты или губернаторы). Конституционно они имеют на это право, но процедурно это почти невозможно. Для того чтобы законопроект превратился в полноценный закон, надо пройти огромный круг согласований с правительством, с главным правовым управлением Администрации Президента, с разными профильными структурами (единство правового поля). Как правило, регион просто не вывозит. Это значит, губернатор должен просто забыть о том, что он губернатор, и бегать по кабинетам в Москве и со всеми этот самый свой законопроект согласовывать. Такого себе никто позволить не может. Да и не пускают особо региональных людей в большие федеральные кабинеты просто так. Поэтому именно

регионы как субъект законодательной инициативы — это отмирающая вещь.

Ещё одна вещь, к моему удивлению, фактически отмершая, — это парламентские расследования. Инструмент есть, но практически не применяется.

Это для меня очень важная тема. Сейчас объясню. Вот моя стартовая телега. Я пытаюсь всё время сформулировать её в посте в своём Telegram-канале и никак не могу доформулировать, чтобы выкатить пост текстом. Тема такая: «Цивилизация ошибок». При этом слово цивилизация понимается не в обычном смысле, российская цивилизация или мировая цивилизация», а в изначальном отглагольном смысле. То есть оцивилизовывание ошибок.

[Белоусов](#) сказал, что [ошибаться можно, врать нельзя](#). Но на самом деле ошибаться нельзя. У нас нет ошибок. У нас нет вообще такой сущности, как ошибка. То есть

у нас система никогда не ошибается, она всегда права. А если что-то не получилось, то это не ошибка, это, как правило, преступление. И за него следует наказание:

кого-нибудь берут, судят и сажают. То есть он не совершил ошибку, он совершил преступление, и значит, должен быть подвергнут наказанию. И это касается и человека, и любого института, и даже системы в целом. То есть ошибок она не совершает, она всегда права. Если что-то не получилось, то это потому, что кто-то виноват.

Сказать, что мы ошиблись, мы исходили из неверных предпосылок, у нас не получилось, в такой системе процедуры нет.

Ошибки при этом случаются, и неудачи случаются, в том числе из-за ошибок, но поскольку признать это невозможно, а процедуры соответствующего классифицирования какой-нибудь неудачи как ошибки нет, то единственный способ работы над ошибками — это то, чем занимается прокуратура, следственный комитет, судебная система и далее по тексту.

ИК. А юридически вообще может быть такое понятие как ошибка?

АЧ. Конечно. Я напоминаю, почему я использовал здесь слово «цивилизация». Потому что задолго до того, как его начали использовать в нынешнем смысле, типа, мировая цивилизация, западная цивилизация, российская цивилизация, много веков это был стандартный термин римского права, означающий на самом деле очень простую вещь. Это перевод делопроизводства из уголовного в гражданское. Антоним — «криминализация», когда дело переводится из гражданского в уголовное. Когда происходила цивилизация какого-нибудь дела? Когда суд усматривал, что состава преступления там нет, а есть, например, просто хозяйственный спор. И тогда дело цивилизовывалось, то есть превращалась из уголовного в гражданское. И тогда становится ясно, что не надо никого ни за что наказывать, не надо никого карать, а надо просто рассудить.

ИК. Цивилизованно.

АЧ. Да, цивилизованно рассудить две стороны, определить, кто кому что должен в соответствии с законом, например. Эта неспособность наша к работе над ошибками, один из симптомов этого — это, например, не работающий в нашем парламенте инструмент парламентского расследования, потому что парламентское расследование, в отличие от расследования, например, прокурорского, от тех расследований, которые делают силовики, его смысл не в том, чтобы понять, кто виноват, а в том, чтобы пролить свет на некие события, которые непонятны общественному мнению и которые, тем не менее, ему важны. Типичный вопрос: почему мы уже лет 15 обещаем, что восстановим нашу авиационную промышленность, и рисовали ещё в «[Стратегии-2020](#)» в 2008 году какие-то сотни российских самолётов,

сходящих со стапелей наших заводов в год, но при этом по состоянию на 2026 год, если очень повезёт и всё получится, выпустим один. Хотя многократно принимались планы о том, что наш авиапром [зарабатывает], и даже казалось бы, санкции, нам уже не поставляют запчасти, нам срочно нужны свои самолёты, но тем не менее результат на 2026 год — это один самолёт.

Конечно, можно позвать опять следователей и начать искать, кто сколько и чего на этом украл, но как ни странно, это не самый интересный вопрос. Тоже важный, но второстепенный. Гораздо более важный вопрос — это в чём ошиблись наши стратеги, когда проектировали именно планы, ходы, программы, проекты по восстановлению или воссозданию, или пересборке, перезапуску нашей авиационной промышленности. Где была ошибка допущена?

Или другой яркий пример. Произошла пенсионная реформа. Все помнят, какую острую реакцию в 2018 году (это был как раз предыдущий VII созыв Госдумы) она вызвала в обществе. Как тогда потрясло систему! В четырёх регионах губернаторские выборы проиграли ставленники Кремля и пришёл к власти непонятно кто. Одного потом вообще пришлось в [тюрьму сажать](#) (Фургал хабаровский). Во Владимире какой-то местный алкоголик и по совместительству глава ячейки ЛДПР на ровном месте [выиграл выборы](#) и так испугался, что в ночь выборов напился в хлам, и его выковыривали откуда-то с утра, из какого-то сквота, и говорили: «Дружище, ты теперь губернатор», а он не брал трубки. Так тоже было.

В общем, все помнят, насколько это тогда было болезненно, а главное, как люди отреагировали. Но объяснялось-то это как? Объяснялось это дырой в пенсионном бюджете, разрывом между доходами и расходами в пенсионном бюджете. И никто не удосужился провести расследование, понять, а как эта дыра вообще образовалась. Где ошиблись в планах, в проектах, в проектировании финансов годами ранее, чего не учли, чтобы этой ошибки не допустить и чтобы эту болезненную и неприятную реформу не пришлось проводить? Понимаете, логику? Для этого нужны парламентские расследования, но их нет. Это одна из деталей. Это я всё, понятно, выношу на публичный суд, конечно, свою рефлексию трёхлетнего опыта работы советником председателя Госдумы предыдущего, повторяю, созыва, но при этом это тот же самый Володин.

ИК. Эх, хорошо бы, чтобы поиск ошибки всё-таки сопровождался наказанием.

АЧ. Пошёл ты в баню! У нас чаще всего с этого начинают и этим же заканчивают. Меня это бесит в первую очередь! Да, виновных наказали, иногда им удалось сбежать, иногда не удалось.

ИК. Но ошибку не выявили. А здесь и ошибку выявили, и наказали.

СУ. Ошибку надо исправлять. Зачем наказывать? Наказывают же за вину, а не за ошибку. Это же разные категории, вина и ошибка.

АЧ. Да.

СУ. Если ошибка была осуществлена по вине, то тогда да. А если ошибка была осуществлена по ряду других факторов, например, из-за заблуждений, самооблучений? Например, в коде ошибки ищут не для того, чтобы наказать программиста, а для того, чтобы багов не было.

У меня, кстати, есть гипотеза, она сопрягается с тем, что [Алексей говорит]. Что я хочу положить на алтарь дискуссии? Дело в том, что наша Дума возникла как антагонист Верховному Совету, где разворачивалась очень серьёзная борьба за власть. Рождение современной новейшей российской государственности — это острая борьба за власть между

постами президента, вице-президента и ещё Верховный Совет, который претендовал на то, чтобы быть властью. Госдума образовалась именно как антагонист этого — что здесь больше за власть бороться не будут. То есть Госдума — это что-то похожее на дореволюционный Государственный совет. Это больше орган совещательный. Там на первых, конечно, порах продолжилось, но это, скорее, была имитация борьбы за власть между разными властными группировками, которые менялись как перчатки, и мы видели, что 90-е годы — это как раз постоянная борьба разных акторов. А часто бывало, что даже партия власти [туда не входила]. Как, например, «[Выбор России](#)» [Гайдара](#) не прошёл вообще в Думу, хотя это была партия власти. Такой парадокс. Так как от идеи борьбы за власть [отказались], она изначально не была положена в основу Государственной Думы, то отсюда и боязнь работы с ошибками. «А вдруг посчитают, что это претензия на какую-то власть? Поэтому на всякий случай мы ...»

В этом смысле очень похожая родовая травма в Белоруссии. Там не Госдума, а [Палата](#), в народе называют «палатка». В белорусском парламенте аналогичная родовая травма. Он тоже двухпалатный, там тоже никаких ошибок никто никогда не анализирует. Там была очень похожая ситуация. Как у нас пенсионная реформа, а там был [закон о тунеядцах](#), тоже очень спорный, вызвавший большие [противоречия], во многом это было предтеча [2020 года](#).

С моей точки зрения, это вопрос о том, где есть борьба за власть, а где есть борьба за справедливость. Ведь в чём особенность парламентаризма как такового? Как вообще парламенты родились? Это совещательный орган, как мы помним, при монархе французском, который помогал делить доходы и расходы. В этом был смысл. Вокруг этого и [первая французская революция](#) закрутилась. После этого всегда исполнительная власть боялась того, что в парламенте начнётся борьба за власть, там образуется некое подполье, которое потихоньку-полегоньку начнёт подтачивать систему власти. Кстати, если мы посмотрим наши думы дореволюционные, это всё в школе мы проходим, их разгоняли, а потом в результате комитеты Госдумы, которые пришли на смену министерствам, сказали: «Нет, вы неправильно воюете, царские министры, мы вас сейчас научим правильно воевать». На самом деле там как раз всё и попёрло, и по большому счёту это же Госдума свергла царя, если формально говорить, формально-юридически, все эти вожди и вождики и превратили борьбу за справедливость в борьбу за власть. Как раз этот

диалектический парадокс, где борьба за справедливость, а где борьба за власть, и вызывает острую боязнь той самой вертикали власти.

В этом смысле похожи парламенты и наш, и белорусский, и казахский, который сейчас становится Курултаем, и в Азербайджане аналогичная история (как он там называется? Меджлис? Не помню точно). Это институт советников, которые как бы от народа должны черпать некое мнение и это мнение добавлять. То есть это нечто вроде общественного совета, как у нас органы власти обросли общественными советами в последнее время, ещё отдельная у нас Общественная палата появилась. За счёт того, что есть боязнь, что вас заподозрят в борьбе за власть, нет никакого желания заниматься в том числе и парламентскими расследованиями. Вот моя гипотеза и первый тоже тезис на алтарь дискуссии, что надо диалектику, справедливость, власть всегда рассматривать в отношении парламента.

АЧ. Семён, я тебя не перебивал, но раз ты закончил, то несколько уточнений. Всё-таки «парламент» — слово английское, считается, что парламент-то как парламент появился всё-таки в Англии. А во Франции это называлось «[Генеральные штаты](#)».

СУ. Разве слово не от parler [(франц.) — говорить] произошло?

АЧ. Как филолог филологу: один из источников словообразования английского языка — это всё-таки старофранцузский тот самый.

СУ. Я помню, что от французского parler, я это имел в виду.

АЧ. Понятно, да.

СУ. Да, название «Генеральные Штаты», всё верно.

АЧ. Мы помним, что до Великой французской революции была Великая английская революция. Она тоже случилась в первую и главную очередь из-за противостояния короля с парламентом. Понятно, что там были разные аспекты и разные причины, но действительно, это типовой сюжет для многих революций, в том числе и нашей, 1917-го года (февральской). Это противостояние монарха и парламента, несмотря на то, что действительно в своё время парламенты создавались монархами. Для чего? Для того чтобы укрепиться в борьбе с другими силами тогдашними, сейчас уже почти непонятными нам, сегодняшним, а тогда очень понятными. Это в первую очередь крупные феодалы и церковь. То есть

с помощью парламентов абсолютистские монархи ломали об коленку старый феодальный уклад, опираясь на силу народного мнения, собираемого через эти собрания, они укрепляли свою власть.

Но потом этот союз черепахи со змеей, после того как старые враги были побеждены, эти два института вступили между собой в конфликт.

Чтобы не уходить в давнюю историю, а ближе к нашей актуалке, моя собственная политическая биография началась 22 сентября 1993 года. На следующий день после [указа Ельцина о роспуске Верховного Совета](#) я прибежал на баррикады к нашему Белому Дому. В моей тогдашней картине мира это было так: я защищал российский парламентаризм от тирана и диктатора Ельцина, который, решив распустить парламент и свергнуть народно избранных людей, поправ демократию. Лет мне было мало, картина мира была достаточно подростковая и наивная, но всё равно юношей я был весьма активным, начитанным и интересующимся. И главное, мне уже тогда было плевать на тогдашнюю пропаганду, которая рассказывала, что в этом Верховном Совете сидят какие-то махровые коммунисты, фашисты, красно-коричневые. Сейчас мы говорим «либеральные силы», тогда слова такого не было, было слово «демократические». Демократический агитпроп нам рассказывал, а я понимал демократию буквально:

демократия — это когда люди избирают своих представителей в парламент, и парламент дальше уже принимает законы, ограничивает верховную власть, не давая ей превратиться в произвол и диктатуру.

Мне без разницы, кто там сидит. Если их правильно выбрали, если люди за них проголосовали, если таково было их мнение, значит они полномочны представлять народную волю. А какие они, нравятся они кому-то или не нравятся, под какими они флагами ходят и какие лозунги кричат, мне было фиолетово. Так примерно я рассуждал в свои 14-15 лет. Мне 15 лет исполнилось как раз 30 сентября 1993 года. Я этот день встретил как раз на этих баррикадах.

Эту точку зрения было довольно сложно объяснить, это, Семён, к твоей любимой

профдеформации [КОГНИТИВНЫХ ВОЙН](#). Все жили же в парадигме, что за Ельцина демократы, и поэтому они за демократию. А в Верховном Совете собрались [Хасбулатов](#), [Руцкой](#) и прочие какие-то красно-коричневые, которые, конечно, враги демократии, в том числе и потому, что демократия — это когда дружим с Западом, а враги демократии — это когда с ним не дружим. Такой сеттинг, если угодно, такая картина мира тогда была навязана тогдашней медийкой, она была у большинства, но я читал книжки, а не газеты. Газеты тоже читал, но уже после того, как прочитал книжки, и поэтому умел свою оптику разбирать, разбирать эту картину. Я не понимал, почему люди не понимают настолько очевидных, как мне казалось, вещей. Что же это, значит, во имя демократии взять и отменить парламент, нарушив собственную же конституцию, на которую присягал, объявить новые выборы и параллельно с ними референдум по новой конституции? Внимание! При том, что сама процедура этих новых выборов в этот новый орган уже проводилась по этой самой Конституции, несмотря на то, что её-то ещё никто, собственно говоря, не принял и не одобрил, она вводилась прямым на тот момент президентским решением. То есть ничем иным, кроме как диктатурой, я это назвать не мог тогда, опять-таки из своих тогдашних представлений.

И вы знаете, 4 октября, после того, как всё это закончилось кровавой бойней в центре Москвы, отлёживаясь у себя дома после всех этих событий, когда мы оттуда выбирались не без труда, прямо скажем, я очень тяжело переживал наше поражение. «Как же так? Почему мы проиграли? Как же так? Мы же были за хорошее правое дело! Почему мы проиграли?» — спрашивал я себя, своих друзей, своих старших товарищей и т. д. И один из моих старших товарищей высказал парадоксальный тезис. Он сказал: «Сработал монархический инстинкт русского народа». Он про что? Про то, что лучше грозный царь, чем семибоярщина (старая пословица). Лучше плохой, бездарный, какой-никакой, вражеский, вороватый и т. д., но царь, чем вот это [чудище обло, озорно, стозевно](#), в котором непонятно, кто кем командует, кто главный, и который ничего, кроме хаоса и бардака, из себя произвести не может. Это тоже верно, это я тоже понял и принял.

Он во многом действительно заставил меня сильно скорректировать оптику. В том смысле, что

я понял, что я, как ни странно, и за демократию, то есть за то, чтобы люди имели голос, за то, чтобы их мнение учитывалось; и за то, чтобы избранные людьми представители обсуждали и принимали закон; но в то же время я и за единоначалие, потому что я кожей ощутил, какой ужас мог начаться, если бы вдруг победили те, за кого я стоял.

Что бы произошло дальше? Дальше, понятно, конфликт условного Руцкого с Хасбулатовым, боевики со свастиками или псевдосвастиками из «Русского порядка» [Баркашова](#). Можем себе представить, что бы тогда могло произойти, в жанре альтернативной истории. Сейчас легко искусственным интеллектом можно это расписать: Россия, в которой победил тот Верховный Совет.

СУ. А что произошло? Произошло то же самое, только в сфере экономики. Стало понятно, что образовалась прослойка новых претендующих на власть и от них просто откупились с помощью приватизации. Просто в первом случае мог бы пойти политический конфликт войны всех против всех, а во втором случае пошла экономическая война. Началось «[Братва, не стреляйте друг в друга](#)», и всё пошёл как раз с 1993 года и до нулевых весь этот передел собственности и шёл, и в этом смысле новые группировки присягали.

АЧ. Семён, это только одна плоскость рассмотрения, а я предложу тебе другую. Например,

именно Ельцин после событий 1993 года очень хорошо понимал слабость и шаткость своего положения. Находящиеся тогда в его кругу предложили очень интересный способ укрепить президентскую власть. Тогдашний министр обороны [Павел Иванович Грачёв](#) сказал следующее: «Нам нужна маленькая победоносная война». И практически сразу после этих событий начался штурм Грозного (в январе 1994 года), с которого началась [первая чеченская](#). Но в войне, как это у нас, согласитесь, случается, кое-что пошло не так, и Первая Чеченская не очень получилась, хотя казалось бы, кто там такой был, и уж армия, ещё недавно считавшаяся второй в мире по силе (а может, и первой, как считать), уж с этими бы точно справилась. Казалось бы, но нет. И это тоже нельзя не помнить.

Теперь что касается, Семён, того, что ты сказал по поводу Думы и власти. Я вспоминаю одного вице-губернатора по политике в одном из российских регионов, с которым мы сидели за стопарём, и он, держа в руке стопарь, философски рассуждал: «Слушай, я считаю, что Думу выбирать можно, а власть нельзя». Я очень хорошо запомнил эти слова. То есть у него в голове Дума — это что-то одно, власть — это что-то другое. Он простой был вице-губернатор от народа, не очень читавший учебники, про [Монтескьё](#) ничего не слышавший. Изложил поэтому, что называется, что думает. Да, действительно, в нашей оптике парламент — это не ветвь власти, несмотря на то, что мы все в учебнике обществоведения читаем эту концепцию разделения властей, что есть власть представительная (законодательная), есть власть исполнительная, есть власть судебная, это три разные ветви власти, они специально разделены для того, чтобы не создавать ни в одной чрезмерной концентрации полномочий, тем не менее, наше русское политическое сознание понимает это всё совершенно по-другому.

Власть — это власть.

Это товарищ начальник.

ИК. И она должна быть сильной.

АЧ. И

она должна быть сильной. Она должна быть мощной и иметь право на всё.

Поэтому у нас

президентские выборы как устроены? Это же присяга. «Дорогой батюшка царь, правь нами вечно, мы твои верные подданные. Слава тебе, господи, всё прошло хорошо».

При этом ритуал соблюдается, есть альтернативные кандидаты, есть даже какие-то дебаты, но последние выборы, на которых что-то действительно могло решиться, это выборы 2000 года, на которых пришёл к власти Владимир Путин. Но на самом деле, конечно, даже в выборах 1996 уже было (Путин на тот момент ещё, напоминаю, у [Собчака](#) работает в мэрии). Но я хорошо помню кампанию эту президентскую 1996 года. Я тоже в ней поучаствовал, понятно, по молодости на пятых ролях, как [политтехнолог](#), но помню её очень хорошо. Как раз элита тогда осознала, что она не может отдать власть, просто не имеет технической возможности себе это позволить, вот так отдать власть, вне зависимости от того, как кто проголосует. Это осознание

пришло, пришло оно почти сразу, то есть уже где-то в январе 1996 г., и дальше все споры были о том, как именно не отдать власть. Одни предлагали силовой сценарий, другие предлагали что-то ещё, но потом пришёл [Чубайс](#) и предложил самый элегантный выход: «А давайте просто всех обманем». Есть чудная вещь под названием «политтехнологии», есть специальные люди — политтехнологи. А дальше все помнят: [коробка из-под ксерокса](#).

ИК. Да, остальное решают деньги и их количество.

АЧ. Остальное решают деньги. Именно этот момент был звёздным часом профессии политтехнолога, когда выяснилось, что если политтехнолог может всё, он может решить деньгами любую [проблему], по сути, все прочие факторы политики превратить в ландшафт. Что такое политтехнологии? Это просто способ превращения денег во власть. Если деньги разные и конкурируют друг с другом за власть, то и разные политтехнологические команды, каждая, собрав определённый бюджет, двигает своих кандидатов или партии.

Если все деньги в одном месте, то политтехнологии не перестают быть нужными. Для них просто заканчивается рынок. Какое-то время по инерции политтехнологам ещё что-то платят, но потом платить перестают, просто в логике снижения издержек. Именно так деградировал политтехнологический цех в России от кампании к кампании. Я это тоже [описывал у себя в канале](#) в образе политтехнолога Петухова, если помните:

— Петухов, ты лозунги к первомайской демонстрации написал?

— Написал.

— Говно ты написал, иди переписывай!

И этот человек с зарплатой 30 тысяч рублей в месяц, шаркая ходулями «прощай, молодость» грустно шёл куда-то в угол переписывать лозунги. Я подумал: «Вот! А Пелевин-то нас учил другому».

ИК. В «[Generation П](#)», да.

СУ. Давай эту модель региональным политтехнологам петуховым экстраполируем, в том числе, и на депутата Госдумы. С ним произошло то же самое. Если мы посмотрим с классовых [позиций], через капитал и долю, мы увидим, что представительство на местах — это очень часто топ-менеджеры. Миллиардеры и лучшие люди города, области, которые сами в парламенты не стремятся, отправляют туда своих топ-менеджеров. Они для них такие же политтехнологи петуховы, только которых отправляют в этот странный орган то ли власти, то ли представительства.

ИК. Непонятно чего.

СУ. Почему непонятно? У них конкуренция точно.

ИК. Слушайте, братцы, тогда такой вопрос. Если «прекрасные» (в кавычках) идеи французских просветителей о разделении ветвей власти как-то неудачно в историческом контексте ложатся на нашу прекрасную (уже без кавычек) российскую почву, то функционал Думы — не хочу использовать слово парламент — надо переосмысливать. А тогда переосмысливать в какую сторону?

АЧ. Давайте, готов [ответить]. Что я понял? Я работал дважды в Госдуме, один раз помощником вице-спикера, причём короткий период в 2000 году, и второй раз — уже советником спикера, это как раз в период с 2017 по 2019 год. Тем не менее, вблизи видел все восемь созывов, более того, принимал участие в кампаниях во все восемь созывов, опять-таки в разных ролях, в разных качествах, но как политтехнолог участвовал во всех. Я наблюдал эволюцию как раз в том числе и восприятия парламента, восприятия Госдумы, условно говоря, что заходило и что не заходило.

Если почитать Конституцию, то Дума — это в первую очередь про то, чтобы писать законы, по которым нам всем жить. Но если мы посмотрим суть выборных кампаний в эту самую Госдуму, причём неважно, одномандатных или партийных, то это про что угодно, но только не про писание законов.

Это про то, как, не знаю, провести проводку, сделать детскую площадку, подвести водопровод, решить чью-то проблему (какую-то, кому-то). То есть, как бы такой своеобразный социальный сервис, через который граждане, которые не могут стандартными путями порешать свои проблемы с системой государственного или муниципального управления, пробиваются в обход этой многоэтажной чиновничьей вертикали и решают свои очень локальные проблемы. То есть это не про то, как нам изменить жизнь в стране. Это про то, как кому-то помочь.

Считается, что хороший депутат — это тот, кто заботится о своих избирателях, отвечает на их запросы, помогает им,

особенно если у кого-то какие-то проблемы или сложности, или кто-то попал в какую-то ситуацию, особенно с государством. Отсюда я говорю, что

наша Дума — это не законодательный и уж тем более не законотворческий орган по факту. Это орган представительный.

Это то место, где люди пытаются в первую очередь, даже голосуя, ответить на вопрос: «А кто нас представляет во власти? Нас, наши интересы, наши взгляды, наши мнения» и т. д.

В этом смысле самый сильный креативный ход покойного Навального*, террориста-экстремиста (Роскомнадзор), это, конечно, был лозунг «Вы нас даже не представляете» на Болотной. Такая игра слов. Там имелось в виду несколько смыслов (сказал слово «смыслов» во множественном числе, поправьте меня), несколько разных значений одновременно. Действительно,

когда люди думают на выборах в Госдуму, за кого они хотят отдать свой голос, они в первую очередь отвечают на вопрос, а кто в наибольшей степени достоин представлять меня перед настоящей властью, которая власть, которая единая и ни на какие ветви, конечно, не поделена.

Именно поэтому, кстати, в этой самой Думе такое количество заслуженных граждан: космонавтов, артистов, фигуристов и т. д. Никто не сомневается в том, что это люди достойные, потому что они создали стране славу. Они победили на олимпийских играх, летали в космос,

совершали какие-то открытия, то есть они являются теми, кем гордится страна.

ИК. Уважаемые люди.

АЧ. Уважаемые люди, да. И ещё, что очень важно, известные. И поэтому «они достойны меня и мои интересы представлять в этой самой власти. Их репутация — это точно гарантия того, что они будут представлять именно мои интересы».

СУ. Отлично. Как раз мы подошли ко второй заготовке, которую я тоже хочу положить на алтарь нашей дискуссии. Твой термин, что это представительная власть, а я как бы со стороны общества захожу.

АЧ. Представительный орган, но не власть.

СУ. Представительный орган, не власть, даже государство. А с моей точки зрения это больше ассоциативный орган (я через общество иду). С кем ты себя ассоциируешь? Потому что если бы он был представительным, в твоих терминах, то логично было бы у нас его избирать не по партиям и не по округам, а надо подобрать более правильное представительство. Я как человек социалистических взглядов...

ИК. Общинами?

СУ. Нет, не общинами. Смотри, у нас, допустим, 60% пенсионеров. Тогда они должны выбирать 60% своих представителей.

ИК. Лёша, за «партию бездельников» сколько будет процентов?

СУ. Либо надо вводить коэффициент, исходя из капитала. Например, миллиардер имеет 100 тысяч голосов. К МРОТу можно привязаться. Если у тебя доходность, например, миллион МРОТов, у тебя миллион голосов. А если у тебя один МРОТ, ты пенсионер, то у тебя один голос. То есть тут сколько вешать в граммах и какой метод. Если по социальному пути идти, мы должны социальные группы наделять [правом голоса]. Раньше это называлось по сословиям голосовать. В ту же дореволюционную Госдуму крестьяне одно количество выбирали депутатов, дворяне другое количество выбирали депутатов. Это логично, потому что партийный подход — это абсолютно имитационный подход. Опять же, с моей точки зрения, наша партийная система — это Змей Горыныч. Головы между собой ругаются, даже перегавкиваются, а пищеварительная система одна и питает всех.

АЧ. Помнишь, этот анекдот про Змея Горыныча?

СУ. Я много знаю анекдотов про Змея Горыныча.

АЧ. Это как две головы жалуются друг другу на третью, что бухает один, а блевать приходится всем троим.

СУ. Да, это тоже про эту систему.

Если с точки зрения государства это орган представительный, то есть он представляет кого-то, то с точки зрения общества это орган ассоциативный, то есть с кем именно член общества себя ассоциирует.

Поэтому у нас и образовалась такая странная политическая модель, с кем ты хочешь себя ассоциировать, даже не лидерского, а образного типа. Перегавкиваются между собой, переругиваются. Нам нужен какой-то метод новый придумать, не партийный. Партийный не работает, потому что партийный применим к тому, что часть общества борется за власть. От этого же партии возникли? Партия — это же «часть», и эти разные части общества борются за власть. Мы тут за власть не боремся, мы представляем. Тогда либо по сословиям, либо привязаться к доходности, к влиянию, тогда нужно признать, что [все звери равны, но некоторые более равны](#). У кого-то есть миллион голосов, у кого-то один голос. Опасная дискуссия. Понимаю, что мы на опасную [почву ступаем].

ИК. Нет, она очень интересная. Я просто сижу и думаю, я себя к какой общине, к какому сословию [должен] относить?

АЧ. Давай я тогдаотреагирую. Модель, что если у нас 60% пенсионеров, то должно быть и 60% Госдумы их представлять, исходит из того, что у всех этих пенсионеров идентичность такая: «в первую очередь, я пенсионер». Но в жизни это не так. В жизни из этих пенсионеров часть скажет: «Я, например, мусульманин. Это для меня важнее, чем то, что я пенсионер». А часть скажет: «Я представитель, извините, ЛГБТ»* (запрещённого в России). Это для него тоже важнее, чем то, что «я пенсионер». А третий скажет: «А я мелкий и средний предприниматель. Это для меня тоже важно» и т. д. Как ни странно, такая попытка разделить людей, бьётся всегда в то, что представление людей об идентичности (то есть ответ на вопрос «а я кто в первую очередь?») никогда не совпадает с представлениями государства.

ИК. Помнишь, как перепись была у нас? [Хоббиты](#) появились.

АЧ. Да, хоббиты. Всех же разделили на национальности, но значимая часть людей отказалась играть в эту игру. И поэтому объявила себя кто кем, кто хоббитами, кто [нурглами](#) из «[Бархаммера](#)» и т. д. В том-то и дело, что ты, Семён, мне кажется, в своих построениях немножко заблудился в дебрях идентичностей, то есть разрывом между тем, кем люди считают сами себя, и некоторой объективной внешней рамкой, которую на них накидывает система. Сословно-классовая тоже плохо работала.

СУ. Нет, я не говорю о том, что у меня есть готовый рецепт. Я утверждаю, что партийный тоже не [работает].

АЧ. А вот теперь про партийный. Давайте обратим внимание,

в нашей российской политической системе есть такой удивительный, нигде вообще не существующий феномен, как партия власти.

Я утверждаю, что это уникальный российский феномен, несмотря на то, что таких партий, типа правящих или каких-то ещё, есть много где, в самых разных странах. Но партия власти — это совсем не то же, что правящая партия.

Правящая партия — это как раз институт очень значимый, который из себя выдвигает людей на разные руководящие посты в правительствах и т. д. Партия власти — это ровно наоборот, это партия от власти. Это та партия, которая представляет саму власть в представительном органе.

И кстати, заметь,

чтобы именно её представительство составляло большинство, есть ключевое условие стабильности всей системы.

СУ. Это не только российское.

АЧ. Нет-нет, именно российское. И тут надо вспомнить, у нас был премьер Гайдар, назначенный Ельциным. Его партия «Выбор России» была партией власти в самой первой Госдуме. Гайдара отставили, пришёл [Черномырдин](#). Партия премьера Черномырдина «Наш дом — Россия» стала новой партией власти. И во II созыве Госдумы именно она выполняла роль партии власти. Дальше давайте [вспомним] 1999 год. Главная была интересная борьба — это конкуренция между «Отечеством» и «Единством» за то, кто будет новой партией власти. Конкуренция, казалось, была такая, что вообще сейчас страну разорвёт на части! Но едва они обе оказались в Госдуме, как немедленно слились в экстазе и образовалась «Единая Россия». А с тех пор уже ситуация не менялась, партии были всякие-разные, но была партия власти «Единая Россия». И здесь я подхожу к ключевому. К названию «Единая Россия» сейчас все привыкли, это нечто само собой разумеющееся. А тогда, когда она появилась, что было в этом словосочетании? Вдумайтесь просто: «Единая Россия». Что имелось в виду? Это был очень протестный лозунг, причём протестный против самой идеи делить общество на партии. «Хватит нас делить на партии, — как бы говорила страна самой себе, — Давайте мы не будем делиться на партии, давайте мы будем едины, в чём-то главном мы будем едины». И как раз на этой фишке «Единая Россия» и захватила большинство, которое и удерживала все последующие созывы.

СУ. Я не согласен, что это российская модель. В Казахстане такая же. Был [Назарбаев](#), партия власти был «Нур Отан». Потом была промежуточная история с «Аманатом», сейчас партия власти «Адилет». В Узбекистане аналогичная ситуация, в Азербайджане. Это постсоветская, я бы сказал, особенность.

АЧ. Давай тогда так, я не буду комментировать постсоветские режимы в силу ряда [соображений], уже один раз прокомментировал. Но моя гипотеза, которая отчасти подтверждает то, что этот феномен в том или ином виде присутствует и в других странах постсоветского пространства, но по-другому чуть-чуть и с рядом поправок на местные особенности, она вот такая. Давайте сейчас напрягусь и попробую сформулировать:

некоторые завоевания [Октября](#) невозможно отменить.

Когда мы внимательно смотрим на социологию, мы видим, что

граждане понимают права иначе, чем в других демократиях.

Условно, право на отдых или право на медицинское обеспечение, или право на пенсию для наших людей гораздо важнее, чем право выбора, право на свободу слова или ещё иные какие-то чисто политические права. То есть

наши люди понимают права как блага,

что и было закреплено, конечно, в брежневской [конституции 1977 года](#).

И это осталось, и это невозможно было отменить в 1991 году. Иными словами,

модель отношений людей с властью заложена, конечно, Советским Союзом. Это модель, в которой главной задачей партии и правительства является что? Брежнев, XXIII съезд. Неуклонное удовлетворение постоянно растущих потребностей трудящихся. Это то, ради чего власть вообще существует.

И весь диалог с этой самой властью ведётся по поводу того, насколько она хорошо удовлетворяет мои неуклонно растущие потребности в том или ином виде и повышает моё качество жизни. Именно поэтому, если мы посмотрим,

что все партии власти обещают всегда на каждой кампании? Они обещают очередное повышение качества жизни. И отчитываются успехами за предыдущий период о том, как они в предыдущие разы это самое качество повысили.

А вся оппозиция обвиняет их в чём? В том, что они недостаточно повысили, могли бы и лучше повысить, а ещё в процессе этого повышения качества жизни они преимущественно повысили его для отдельных приближённых категорий граждан.

Дальше коррупция и вот это всё. То есть

есть некий рог изобилия, источник благосостояния, из которого все кормятся. Приближённые получают чуть больше. Но в целом смысл именно такой, что задача этой самой власти — это повышать качество жизни. Больше она ни для чего не нужна.

Когда я это сейчас произнёс, возникает такое ощущение: а как может быть по-другому? Вообще у власти бывают разные задачи в разных обстоятельствах и в разные периоды.

СУ. Я считаю, что

это форма социального откупа от общества.

Вот и всё. То есть

это такие правила игры, которые установили именно потому, что нет желания привлекать общество к совещательным неким функциям,

потому что начнут умничать, начнут что-то требовать, ещё что-то. Это как наши профсоюзы. Они же, по хорошему счёту, должны были бы при капитализме превратиться в трейд-юнионы, как они изначально создавались. Но они остались точно так же инструментом

перераспределения социальных благ даже в условиях частного собственника. Я иногда смотрю на это и диву даюсь. Но так оно и сохранилось. Поэтому это ещё долгая-долгая жизнь.

АЧ. А почему долгая? Я не думаю, что долгая. Мне просто кажется, что

процесс перераспределения благ, неважно, через парламент или через профсоюзы, сам по себе намного более увлекателен для обывателей, избирателей, граждан, электората, чем процесс борьбы за права, обсуждение каких-нибудь законов, стратегий, вопросов войны и мира и т. д.

[Фильм «Гараж»](#) многим поколениям наших сограждан всё объяснил ещё до всякой [перестройки](#). Как раз

в этом процессе обсуждения фундаментальных вопросов общежития нашего, как нам всем вместе жить, участвовать всегда желают очень немногие —

какие-то странные люди, кому вообще эта затея почему-то взбредает в голову.

А вот в вопросе о том, кому положено, сколько положено и на каком основании, и почему если положено, то не положено, этот вопрос точно вовлекает чуть менее, чем всех, и поэтому всегда является основным лейтмотивом любых политических кампаний.

Эта ситуация меняется в одном единственном случае — когда идёт война.

ИК. Потому что безопасность — это тоже одна из главных задач власти.

СУ. Война — это не только про безопасность.

АЧ.

Война как раз не столько про безопасность. Безопасность — это про тыл, это про ситуацию, где войны нет. Но у нас сейчас нет тыла.

Сейчас уже до Омска долетает и будет ещё дальше долетать. Поэтому описывать это в категориях безопасности как одной из разновидностей благ, более не актуально.

Сегодня нужно говорить о защищённости,

это другая совсем категория, чем безопасность. А

защищённость — это то, что требует усилий, причём целенаправленных и

организованных.

А учитывая особенность угрозы, [я уже говорил](#), земля-то частная, а небо — общее. Многие наши существующие устоявшиеся правила, в том числе и законы, приходится оперативно пересматривать. Конечно, к вопросу о том, какой парламент на самом деле нам нужен.

Доклад закончен.

СУ. Тут ещё просто что получается? Я с тобой согласен, что абсолютное большинство интересуют сугубо практические социальные вопросы, вернее, распределение неких социальных благ, назовём их так. На чём поймали позднесоветских людей? «Мы хотим 30 сортов колбасы». Это же тоже элемент распределения благ. Но в этом обществе какая-то часть, которая насыщается сортами колбасы, начинает задавать более сложные вопросы. А какой-то части изначально эти сорта колбасы не нужны, она сразу задаёт эти сложные вопросы. И как же получилось, что все наши иноагенты (то, что мы называем в рамках когнитивной войны «сети влияния»), почему они так хорошо нашу интеллигенцию опутали?

Эта прослойка (классом назвать её неправильно, интеллигенция от intelligent, однокоренное с интеллектуальной деятельностью, чтобы никто никакого социального расизма не услышал на их словах, туда же и духовные вопросы можно отнести) — это люди неугомонные,

это специфический тип человека, неугомонный, то, что называли пассионариями отчасти, по-разному их можно называть, классово активные, если в марксистской социологии.

Если им не предлагать никакой возможности некоего соучастия, сопроектирования или представительства, то они попадают в сети влияния наших врагов и оппонентов.

И тогда получается эффект, как с моим тёзкой-одногодкой, иноагентом, террористом, экстремистом, не знаю, Семёном Слепаковым*, когда мы воспринимали его деятельность за сатиру, а оказалось, что это была подрывная деятельность. Это тоже тонкий момент, я его ещё, когда мы с [Пучковым разбирали](#), почувствовал в языке. Мы думали, что он высмеивал, а он осмеивал. Казалось бы, разница всего в предлоге, «осмеивать» и «высмеивать», а совсем иной эффект. А что предлагают этой прослойке неугомонных людей? Кому-то предлагают корпоративную сделку, «[Оставайся, мальчик, с нами, будешь нашим королём](#)», и включают какую-то бессмысленную или даже осмысленную деятельность, то есть предлагают стать начальником. А такой человек не хочет быть начальником, он чего-то другого хочет. Это же на самом деле очень острый вопрос. На этом накрылась коммунистическая партия Советского Союза. То есть что делать с этими буйными, не очень понятно. И вопрос особенно войны, но на самом деле не только войны, потому что ты правильно вспомнил, вопрос мира — это вопрос пенсионной реформы. То есть все, кто выступал против, их чуть ли не во враги записывали, в бан включали на всяких каналах. Это была эпоха медиа.

А они же во многом предупреждали. Это же, как ты часто вспоминаешь, [Лескова, «Левшу»](#). Правильно ли Левшу считать каким-то врагом и оппозиционером? Нет, неправильно. Это очень тонкий вопрос настройки, поэтому этот вопрос ассоциирования, и через что должно быть представительство, это же как раз прямо связано с предыдущим тезисом, который я говорил.

То есть через что? Партии? Не партии? Какие есть способы что-то изменить?

АЧ. Наверное, нам уже пора переходить к любимой рубрике, поэтому я завершу цитатой одного из спикеров нашей Госдумы. Она была произнесена не публично, но довольно давно уже, поэтому я думаю, что не будет большого греха, если я её опубличу. Он говорил: «Я вообще против конкуренции партий. Я бы понял, если бы партии, раз уж они есть, конкурировали бы в другом. Одна бы взяла на себя тему образования: "Вот, мы занимаемся образованием. Мы постараемся сделать наше образование лучшим в мире". Другая взяла бы тему здравоохранения: "Мы всё делаем для того, чтобы наши врачи и медсёстры" [были самыми лучшими]. Вот это было бы понятно». А

в чём именно они конкурируют сейчас? Кто кого лучше обругает в телевизоре или кто больше пообещает, благ земных и небесных? Или кто ещё более гневно возвысит голос в адрес мафиозно-наркоманского режима Зеленского?

Ну, такое.

ИК. Справедливо, да. Справедливо звучит.

СУ. Это шоу-политика.

АЧ. Это шоу-политика, да. И вот, в этом смысле, конечно, партийную именно систему, заметьте, у нас не ругает только ленивый. Здесь надо различать. Ещё к парламенту как таковому отношение разное, но всё-таки не настолько. А именно партийную систему у нас не ругают только ленивые. Но я здесь всё-таки, как в прошлом, на секундочку, глава политического департамента «Единой России», а в настоящем — член Центрального Совета партии «Новые люди»...

СУ. Пошла партийная агитация.

АЧ. Я бы хотел заступиться за нашу партийную систему. Кстати, здесь именно к вопросу о партийной агитации, сразу скажу, что я люблю все наши партии. У меня нет врагов ни в одной из них. И когда меня спрашивают, за кого голосовать, я говорю так: «Голосуйте за ту, которая вам по вайбу ближе». Эмоционально, эстетически, на уровне не идейного, а именно эмоционального восприятия. Потому что

для меня сейчас, особенно в воюющей стране, врагов нет. Все враги по ту сторону.
А эти все свои.

ИК. Да, многие так и делают, кстати.

АЧ. Поэтому голосуйте по вайбу. Вот так говорю. Но тем не менее за партийную систему я хочу заступиться. Почему? А потому что

иногда очень важно иметь несколько «конюшен», несколько кадровых машинок, причём различных, отдельных друг от друга.

Кстати, в Советском Союзе это тоже было, только решалось по-другому. Была партийная

кадровая машинка, была отдельно комсомольская кадровая машинка, была отдельно профсоюзная кадровая машинка, была отдельно силовая, то есть кадровая машинка военных специалистов. Это были разные машинки, в каждой из которых были разные карьерные кадровые траектории. Ещё, кстати, очень важная была научно-образовательная кадровая машинка, в которой была своя иерархия.

Иногда очень важно бывает растить даже не отдельных личностей, а растить команды. Власть же и берётся командами, и командами же и удерживается. И когда одна команда проваливается, у тебя есть кем его заменить из другой команды.

В этом смысле, если вдуматься, что произошло в октябре 1917 года? Все команды, которые были, так или иначе провалились. Общество развалилось на части, на куски, буквально. И в этой ситуации кто смог взять власть, сохранить страну, выиграть [гражданскую войну](#) и т. д.? Единственная, абсолютно маргинальная на тот момент, очень маленькая структура, у которой было собственное идейное ядро и собственное организационное ядро. Причём целостность и устойчивость идейного ядра и организационного ядра не зависели от происходящего во всей остальной политсистеме. Почему? А просто потому, что по отношению к ней эта структура была глубоко маргинальна. Она была на обочине. У неё было буквально пару депутатов в той же самой царской Госдуме. Это дискуссия [отзовистов](#) и [ликвидаторов](#). Помните? Там их было, по-моему, на пике пять человек. Но всё равно, считай, что не было. Они даже внутри единой большой партии [РСДРП](#) были меньшинством, потому что она как раз раскололась на [большевиков](#) и [меньшевиков](#). Заметьте, меньшевиков-то было гораздо больше просто потому, что у большевиков были очень жёсткие требования к членству, а у меньшевиков членство было свободным и ни к чему не обязывающим. Поэтому по номинальной численности как раз меньшевиков было в разы больше по состоянию на тот момент.

СУ. Какой-то у вас [Оруэлл](#). Большевиков было меньше, меньшевиков было больше.

АЧ. Да, всегда так было.

СУ. В представительных органах власти меньшевиков было больше. А во всех партийных ячейках большевики одерживали большинство, поэтому они и назывались большевики.

АЧ. Ничего подобного. Почитай внимательно историю. Как раз меньшевики всегда брали числом до октября 1917 года. Почему они раскололись? Потому что стать меньшевиком было очень просто, и поэтому их было много. А стать большевиком было очень сложно. Там была большая сложная процедура рекомендаций, приёма и т. д., которую Ильич разработал специально для того, чтобы в партии были исключительно лучшие. Его знаменитый лозунг «[Лучше меньше, да лучше](#)».

СУ. Большинство партактива ушло с большевиками.

АЧ. Ничего подобного.

СУ. Может, они потом кого-то набрали туда для массы.

ИК. Ладно, это потом ещё обсудим.

СУ. Давай отдельную дискуссию проведём с тобой.

Суть в том, что эффективные ребята пришли, эффективная группа пришла.

АЧ. Нет,

суть в том, что когда все существующие организации провалились, существовала в стране альтернативная организованность, именно жёстко оппозиционная и критически настроенная по отношению ко всем этим существующим системам, и именно ей, по сути, довелось в итоге восстанавливать и вытаскивать страну.

И она с этим справилась, несмотря ни на что.

В этом смысле, как раз

идея того, что может быть несколько разных партий, по-разному устроенных внутри, с разным набором идей, с разным набором людей, с разным набором вождей, с разным типом, даже с разным языком описания того, что происходит, она вовсе не такая уж и плохая.

Даже в моей любимой Северной Корее, напоминаю, в парламенте три партии.

ИК. Да, резонно.

Семён, немного «по понятиям» у нас времени остаётся разложить.

СУ. Чтобы по дискредитацию не попасть, я не знаю, что тут по понятиям раскладывать. Один залог у меня есть, предложение. Это о том, что по большому счёту,

парламентаризм, в частности, Дума, во многом и внесла понятия в нашу повседневную жизнь, особенно в 90-е.

Вообще мы совсем никак не затронули вопрос парламентской неприкосновенности, очень важный фактор, за которым очень часто братва и ходила в Госдуму. Этим же очень сильно многие прославились. В своё время даже (это какие выборы? Не помню, какой год), когда легендарного [Анатолия Быкова](#) попытался Жириновский включить в свой список, там весь список заблокили.

ИК. Быкова из Красноярска, ты имеешь в виду?

СУ. Да. И вообще, если мы посмотрим всю историю, он же потом долго делал карьеру, у него были свои политические силы, в законодательном собрании он присутствовал. Как в [фильме «Бригада»](#). Помните? [«Братва рвётся к власти»](#). Там же как раз показано, где схлестнулся Саша Белый со своим оппонентом? На выборах в Госдуму. Эти

представительные органы власти как раз открыли дорогу для криминалитета не то чтобы во власть, а в легализацию в новой России.

И понятия хлынули в нашу жизнь на всех уровнях. Думы у нас же разных уровней есть, и губернская, и городская. И по сей день в местных органах власти хватает людей с очень странным прошлым. Сейчас они уже все легальные бизнесмены.

Если мы вспомним, переходя к понятиям,

в 90-х Госдума была территорией разборок.

Причём кидать предьявы — это было вообще бесконечное, все этим занимались,

все друг другу только и кидали предьявы. Но при этом внутри, когда особенно проходила приватизация, занимались откровенным кроиловом.

Кроилово шло полное!

Мандат был способом прикрыться от ответственности.

А когда начинается вопрос о власти (сегодня мы это вспоминали), то бузить начинают именно в парламенте (буза — это уже понятие вполне себе).

Как только вертикаль начинает шататься, первые, кто бузят, это всегда депутаты.

Это я вспоминал дела давно минувших дней, а если мы говорим уже конкретно про нынешнюю ситуацию, то сейчас у нас в Госдуме несколько функций:

- это давать маяка, или маяковать, то есть сообщать через депутатов Госдумы о разных процессах.

Как, например, сейчас, когда у нас шла блокировка разных соцсетей и прочего, отдельных депутатов выбирали: «ты будешь наш маяк». И он прям рвал на себе рубашку.

АЧ. Маячил, да.

СУ. Да, и маячил всем.

- Вторая, конечно, функция, которая часто проявляется (я не знаю, это потому, что им это поручают, или потому, что характер такой), это, конечно, то, что называется «гнать пургу». Это тоже очень часто происходит.
- И ещё есть функция отмораживаться, которая проявилась, кстати, и в нынешнем созыве.

Я тоже следил, там хвастаются, сколько тысяч законов приняли. Но один закон, который, я считаю, нам и аукнется, и откликнется, и отрыгнётся, это принятый [закон о моратории](#) на сроки пересмотра приватизации не больше 10 лет. Это ещё одна функция Госдумы, которая до сих пор проявляется: отмораживаться, то есть сделать что-то такое, а потом мы отморозились. «Как-то так получилось». Как в анекдоте.

И ещё тоже в рамках этой рубрики нашей есть много тех, о ком можно говорить (это уже про качественный состав, те, кто в Госдуме и не только в Госдуме, это и в региональных законодательных собраниях), среди них

есть те, для кого Дума — это возможность подняться.

Человек где-то себя реализовал — в бизнесе, в общественной деятельности, либо двигался по корпоративной теме и поднялся. Это один тип людей.

Есть люди, для которых это способ перекантоваться, часто из исполнительной власти.

То есть для них это вообще ничего особого не значит. Это не то, чтобы ссылка какая-то, но перекантоваться какое-то время для того, чтобы потом ещё куда-то передвинуться.

АЧ. Кстати, есть термин «чиновник на передержке», да.

СУ. Это те, кто перекантовывается.

А есть те, для кого Дума — это фактически пойти по этапу, это место ссылки,

то есть когда человек был уж такой авторитетный, это особенно встречается среди регионалов, когда он был, например, председателем ЗакСоба, это на моих глазах несколько раз разворачивалось. Он не хотел в эту Госдуму, его фактически туда вытолкнули, потому что он так разруливал на месте собственные интересы, и для него это место ссылки.

И есть профессионалы, для кого Дума — это дом родной.

Они там себя чувствуют уверенно, это авторитеты, академики Думы. То есть они именно разруливают, кто кому Рабинович, у кого какие интересы. Мы их видим много-много-много лет. Вот основные типажи, которых мы можем наблюдать в думах на разных уровнях. И в нашей Думе они тоже представлены.

Доклад окончен.

АЧ. Семён, я хочу сегодня марафон вопросов начать со своего вопроса.

ИК. От Алексея из Москвы.

АЧ. От Алексея из Москвы. Не обязательно на него отвечать в языке чисто по понятиям, но просто объясни мне, что тебя так вштырило именно за этот закон по приватизации? Я сколько тебя слушаю, упорно не понимаю, ты уже несколько про него говорить, как будто обоссали стелу [Хаммурапи](#). Что произошло?

СУ. Объясняю. Срок давности десятилетний. Потому что если бы обозначили бы срок давности, например, для предприятий, созданных после 1991 года, я бы ещё согласился, это

справедливо. А у нас же большинство [предприятий были созданы при СССР].

То, что произошло с приватизацией, это ключевой вопрос справедливости.

Поэтому нельзя срок давности делать десятилетний. Делайте срок давности для созданных после 1991 года. Там мы не пересматриваем. А любые предприятия, которые стали частными из общенародных, там никакого срока давности быть не может.

АЧ. Подожди, в каком-то смысле

вся постсоветская Россия с ельцинских времен — это система борьбы за пересмотр итогов приватизации.

Как раз начиная с выборов 1996 года, там же все эти фальсификации оправдывались чем? Это чтобы коммунисты не пришли к власти, и итоги приватизации невозможно было пересмотреть. И по большому счёту, весь сыр-бор, весь нерв основной российской политики после 1995-96 года — это будут или не будут пересмотрены итоги приватизации. Что случилось радикально нового?

СУ. Так они [зафиксировали] эту историю: не будем пересматривать итоги.

АЧ. А ты всё-таки считаешь, что нужно пересматривать?

СУ.

Я считаю, что нужно брать каждое предприятие в отдельности. Не вообще вокруг этого разводить вонь и шоу-политику, а брать каждое предприятие в отдельности, смотреть, что с ним было, что с ним стало,

потому что каждое предприятие — это не просто деньги. Это вопрос, что произошло с социальной инфраструктурой. Сбросили, не сбросили садики, дома отдыха. Что произошло с модернизацией производства.

Там, где предприятие действительно развивалось после перехода в частную собственность, добро пожаловать, тебе амнистия. А там, где оно было отмародёрено либо вообще превращено в ЖК, ещё во что-то, это уголовное преступление. За это надо отвечать по всей строгости закона.

И это не ошибка, это преступление именно.

АЧ. То есть ты считаешь, что всё-таки эта ревизия нужна?

СУ. Я считаю, что это ключевое вообще.

АЧ. Понятно. Вот что я про это думаю. Может быть, про это сделать бы отдельный записной подкаст, найти гостя подходящего. Кстати, дорогие зрители, читатели, слушатели,

предлагайте, с кем бы об этом можно было поговорить.

Мне кажется, что Семён правильно указывает на нерв, но тут нужны больше глубины в этом всём, потому что, напоминая, под каким лозунгом проводилась приватизация. Она проводилась в рамках начавшейся ещё при Горбачеве борьбы с бесхозяйственностью.

СУ. Именно.

АЧ.

Была идея, что всё будет работать лучше и качественнее, когда у каждого объекта, предприятия и т. д. появится хозяин.

И именно поэтому идея была от этой коллективной бесхозяйственности позднесоветской перейти к ситуации, когда у всего есть хозяин, и людей назначали хозяевами иногда больших многомиллиардных активов, каких-то стратегических комплексов. Просто, что называется, росчерком пера их производили в таковые хозяева, исходя именно из идеи, что лучше, когда есть хоть какой-нибудь хозяин, чем когда нет никакого, чем когда оно государственное. Жизнь показала, что это, конечно, не совсем так,

очень важно, действительно, какой хозяин, с одной стороны, а с другой стороны, не во всех случаях и государство плохой хозяин.

СУ. Именно.

АЧ. Мы знаем примеры того, как предприятия, оставаясь государственными, тем не менее живут, процветают и т. д. Но мы знаем и обратные примеры. Короче, какой главный вывод из этого должно сделать наше коллективное сознательное? Что дело вообще не в форме собственности. Есть полезные предприятия, находящиеся в частных руках и растущие, развивающиеся и приносящие всем благо, а есть наоборот. И то же самое можно сказать и про государство. То есть

вся та перестроечная постановка вопроса тогдашними экономистами и в тех категориях экономической дискуссии была почему-то в корне неверной.

СУ. Манипуляция, как мы увидели.

АЧ. Похоже, самоманипуляция, потому что

нельзя сказать, чтобы кто-то сознательно, какие-то злые англосаксы, жидамасоны специально вкидывали это в умы.

Достаточно поднять те дискуссии, чтобы это [стало понятно]. Помните этот советский анекдот?

У Горбачёва 100 экономистов, один из них умный, но он не знает, кто именно, поэтому...

Как по мне, не хватило тогда именно чистоты понимания, что же происходит с советской экономикой. И все гипотезы, и все попытки поставить диагноз на тот момент самыми умными людьми страны оказались почему-то ошибочными.

ИК. Хорошая тема.

СУ. И превратили это в шоу-политику.

ИК. Давайте тогда ещё раз попросим наших зрителей, чтобы действительно свои предложения по этой теме нам сбросили, написали, прокомментировали, кого бы они хотели увидеть в качестве приглашённого эксперта, приглашённого гостя. Тема действительно требует серьёзного и глубокого обсуждения, потому что можно будет ещё и в историческую плоскость копнуть именно в этой теме.

Братцы, у нас куча вопросов. Давайте попробуем поотвечать на них, потому что уже и так достаточно долго наш эфир идёт.

Друзья, спасибо вам, что присылаете свои вопросы. Пойдём по порядку. Из разных пабликов идут вопросы и комментарии. Алексей, у тебя спрашивают:

Кого лучше почитать сейчас о том, как устроена и работает нынешняя Дума?

АЧ. Я бы рекомендовал ряд Telegram-каналов внимательно смотреть, но не буду. Несколько интересных сейчас появилось обозревателей, но здесь не канал для рекламы (я имею в виду ЧП). Поэтому посмотрите, сейчас как раз часто в хорошо сфокусированных «телегах», особенно от людей изнутри, кто поработал в думском аппарате и т. д., можно больше прочитать, чем в любых книжках, докладах.

ИК. Окей, спасибо. Из Рутуба вопрос:

Централизованная власть — хорошо, но у нас плохой царь приходит вместо хорошего примерно так же часто, как волосатый сменяет лысого. Не должен ли парламент защищать от плохих царей?

АЧ. Лысый и волосатый — это, по крайней мере, объективный критерий. А хороший, плохой..., я так скажу: смотря для кого. Так можно сказать о каждом царе, лысом либо волосатым.

ИК. Понятно. Но защищать-то должен?

АЧ. От кого? От плохого царя?

ИК. Хотя бы от лысого и от волосатого.

АЧ. От лысого — наверное, а от волосатого....

ИК. Окей. Из Ютуба вопрос:

Если у нас Дума является исполнителем дум Администрации Президента, то тогда какие опции у нас имеют сенаторы? Они про что?

Верхняя палата.

АЧ. Будь я чуть более свободен в высказываниях, я бы сказал, что это просто VIP-хоспис. Но поскольку я теперь приличный человек, то я так не скажу. Конечно, я скажу, что это собрание, где уважаемые люди, очень уважаемые, авторитетные, ветераны и, я бы сказал, патриархи российской политики советуют этим несмышлёнышам из нижней палаты чего-нибудь.

ИК. Совет старейшин. Есть же такой термин.

АЧ. Да, нормально. Совет старейшин.

СУ. Можно дополнить анекдотом из 90-х, когда же возникали все новые думы. На Украине была Рада.

Встречаются двое, [россиянин и украинец] и говорят:

— У нас теперь парламент — это Дума.

— А у нас Рада.

— И чему это она рада?

— Тому що не дума.

ИК. Понятно.

АЧ. Это игра слов, «тому що не дума» с украинского на русский переводится как «потому что не думает». Чему она радуется? Тому, что не думает.

ИК. Вопрос:

Не имеет ли смысл заменить Госдуму на экспертное сообщество юристов, способных разрабатывать законы и компетентно их представлять президенту? Не является ли наш парламент совершенно лишним звеном, очень обременительным для страны (зарплаты депутатов, пенсии, жильё, автомобили и всякое такое)?

АЧ. Две позиции. Насчёт «очень обременительный для страны», это вы хватили, потому что это на виду, а на самом деле, я думаю,

это самый, я бы сказал, дешёвый, с бюджетной точки зрения, институт власти.

На него тратится гораздо меньше государственных денег, чем на президента, правительство, суд и любые другие органы федеральной власти. Дума — это довольно дешёвое место, с точки зрения именно расходов государственного бюджета. Но хрен кому это докажешь, до тех пор

пока не полезешь в цифры.

Что касается заменить её сообществом профессиональных юристов, в принципе, можно и искусственным интеллектом заменить. У меня была такая идея, национальный проект «Электронный депутат», как раз когда LLMки появились [LLM (англ.) — большие языковые модели]. Хорошая идея: вместо того чтобы выбирать живых депутатов, просто писать промпты к ИИшке, чтобы в итоге сформировать такого ИИ-агента, который бы в наибольшей степени отвечал интересам и запросам граждан. И при этом, заметьте, какие плюсы:

- точно не нужны депутатские зарплаты, квартиры, машины, только на токены расходы, но они смешные по этим масштабам;
- он 365 дней в году, 24 на 7 отвечает на запросы граждан;
- он очень быстро пишет любые законопроекты, никогда не ошибается, потому что знает весь корпус права;
- он может очень точно соответствовать реальным запросам своих избирателей.

ИК. Мы не выживем так, если он будет с машинной логикой чаяния народа представлять. Нам не только пенсионная реформа, нам много чего покажется...

СУ. Смотря какой ты промпт напишешь.

АЧ. Смотря какой промпт, его же ограничителями будут твои промпты, но не только твои, а всей совокупности.

СУ. Обучишь на полном собрании сочинений Ленина, и ты получишь такого депутата!

АЧ. Да. Это хорошая мысль, в принципе, в духе современных технологий. Но важный момент в этой теме — это то, что

люди всё время думают, что в эту Думу должны идти какие-то профессиональные профессионалы, которые профессионально умеют писать законы.

Ребята,

это не так. Главное умение, которым должен обладать депутат, — это уметь с людьми разговаривать на человеческом языке.

Это самое главное.

СУ. И чувствовать общество.

АЧ. Да,

и чувствовать нерв общества и общественной жизни.

И это то, почему и депутат — это просто, если хотите, ботанская шутка.

ИК. Это уже не про Думу вопрос:

24 июля ВС России [ударили](#) по секретной выставке беспилотных систем Украины. Логично, что Украина может ответить ударом по «[Дроннице](#)». Алексей, сможет ли наша армия обеспечить безопасность этого мероприятия?

Очень волнуются за дронщиков наши зрители.

АЧ. Я отвечу осторожно. Мы находимся в коммуникации и во взаимодействии со всеми органами и службами, отвечающими за безопасность, и будем принимать решения в соответствии с их рекомендациями. У нас нет идеи отменять «Дронницу». Мы считаем, что как раз сейчас дело принципа её не отменять. Но если старшие товарищи решат иначе, то мы будем следовать рекомендациям старших товарищей. Это наша позиция. То есть это будет зависеть, конечно, и от нас самих тоже, потому что все эти годы мы сами, конечно, в первую очередь занимались обеспечением безопасности наших мероприятий. Но, естественно, в сегодняшних обстоятельствах мы занимаемся этим в координации с Министерством обороны, и с Федеральной службой безопасности, и со всеми ключевыми силовыми структурами.

ИК. Понятно.

Мы 30 лет строили общество потребления, и теперь у многих наших людей в головах плотно засело, что наша страна представляет из себя симулякр второго порядка, такая убогая версия сияющего града на холме в северных суровых условиях. В итоге видим, как у людей в кармане новый iPhone, а в голове мысли, как себя или уже своих детей отправить на ПМЖ туда, не говоря уже про долларо-евровую записку у каждого второго под подушкой. А таким образом мы как раз и кормим экономику врага. Как можно переломить этот стрёмный тренд?

Глобальный вопрос, я бы так сказал.

СУ. На пять записных ЧП вопрос.

АЧ. Почему? Давайте попробую короткую версию. Она такая:

важно перестать путать желания с потребностями.

Мы всё время делаем между ними знак равенства, а это очень разные вещи.

Реальные потребности у тебя есть с рождения.

Мочевой пузырь наполнился — возникла потребность пописать. Кислород закончился — возникла потребность вздохнуть и т. д.

А с желаниями всё сложнее.

Желания у тебя начинают формироваться гораздо позже и под воздействием очень разных обстоятельств.

Типичный пример — это аддикции. Вот алкоголик не может без алкоголя. У него сформирована потребность, которая когда-то была просто желанием.

Общество потребления — это как раз про то, что ты уже понимаешь, что не можешь жить без нового iPhone, просто потому, что старый iPhone устарел, хотя он есть, он звонит, в нём всё работает, может быть, чуть медленнее, чем раньше и т. д. Но тебя свои же за лоха будут держать, если он у тебя не последней, а предпоследней модели.

И это ситуация, когда на когнитивном уровне сформированная потребность, и ты готов брать любые кредиты, чтобы купить себе iPhone именно последней модели, иначе ты будешь сам себя не уважать, и все остальные тебя не будут уважать.

Я-то считаю, что ключевая история вообще не на материальном горизонте. Ключевая история как раз в зоне формирования желаний, их превращения в потребности. Эта пресловутая история про 30 сортов колбасы. На самом деле все же понимают, что это про 30 этикеток, особенно при нынешних формах массового производства. Буржуинство умело [играть] в эти 30 этикеток. Кстати, сейчас разучилось, тогда умело, сейчас разучилось. Сейчас выбор между «Кока-Колой» и «Пепси-Колой».

СУ. Я тут добавлю, что

надо не просто бороться с желаниями, надо их вытеснять стремлениями.

Как только у человека появляются стремления, тогда он чётко с желаниями своими разбирается.

АЧ. Семён, я с желаниями вообще не борюсь, я предпочитаю им поддаваться.

СУ. А я двигаюсь к логике стремлений.

АЧ. Но стремлюсь к тому, чтобы они не превращались в потребности.

СУ. Надо кучу программ, чтобы разобраться про постоянное удовлетворение желаний.

ИК. Про постоянное удовлетворение желаний, не забываем, [Фишер](#), по-моему, ввёл этот термин — «депрессивный гедонизм», когда ты постоянно пытаешься удовлетворять свои желания, а удовольствие тебе это приносит всё меньше и меньше, и скатываешься в такое состояние.

СУ. Это ещё [Бодрийяр](#) открыл, что потребитель всегда недоволен всем и не может угодиться.

ИК. Ещё один вопрос:

Через кризис потребительского рынка Запад расшатывал режимы во многих странах. Wildberries, бензин — звенья той же тактики удушения. Не кажется ли вам, что спустя месяц российское общество попросту привыкло к этому кризису? Не устарела ли тактика?

АЧ. Заметьте,

это не тактика, это, если угодно, стратегия, причём базирующаяся на совершенно определённой картине общества, представления об обществе. Это представление о том, что общество в основном состоит из потребителей, для которых именно их потребление является вопросом первоочередной важности,

а всё остальное — это гарнир, пропаганда, ерунда, короче, всякая. И именно

лишив этих потребителей их любимого продукта потребления, можно спровоцировать их на разный неадекват.

В этом смысле я-то считаю, что

все эти удары — это тест на нашу с вами взрослость, насколько мы взрослые. Будет очень стыдно, если мы этот тест провалим.

ИК. Это правда. Всё, братцы, спасибо вам большое.

Семён, ты хотел что-то ещё быстро добавить?

СУ. Нет.

ИК. Всё, тогда благодарю вас за сегодняшний стрим. Конечно же, огромное спасибо всем нашим зрителям за то, что уделили нам время, писали свои вопросы. Ждём от вас, друзья, лайк этому выпуску. «Чистоту понимания» найти можно в ВК, в YouTube, в RuTube. Записной выпуск, как обычно, в четверг. Друзья, ждите, анонсы будут. На стриме будем встречаться по вторникам, в 9 вечера.

Алексей Чадаев, политолог, журналист; Семён Уралов, политолог, журналист, писатель — наши ведущие. Всем спасибо, всем хорошего вечера, увидимся.

СУ. Пока.

**В подкасте упоминаются: А. Навальный — был признан виновным в создании экстремистского сообщества, финансировании экстремистской деятельности и ряде других преступлений; С. Слепаков — признан иноагентом в РФ; движение ЛГБТ — признано Верховным Судом РФ экстремистским и запрещено.*

[Словарь когнитивных войн](#)

[Телеграм-канал Семена Уралова](#)

[КВойны и весь архив Уралова](#)

[Группа в ВКонтакте. КВойны. Семён Уралов и команда](#)

[Бот-измеритель КВойны](#)

[Правда Григория Кваснюка](#)